

A photograph of a dense forest of tall evergreen trees, likely spruce or fir, with a path leading through them. The trees are dark green and the ground is covered with dry, brownish grass and fallen leaves. The lighting is soft, suggesting an overcast day or a shaded forest interior.

Денис Соболев

СВЯЗНОЙ

история одного подвига

Денис Соболев

Связной. История одного подвига

«Издательские решения»

Соболев Д.

Связной. История одного подвига / Д. Соболев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968595-7

Реальная история подвига советских воинов. Все герои рассказа — реальные люди. Все события восстановлены по архивным записям. Чтобы помнили.

ISBN 978-5-44-968595-7

© Соболев Д.
© Издательские решения

Связной

История одного подвига

Денис Соболев

Фотограф Закир Умаров

© Денис Соболев, 2019

© Закир Умаров, фотографии, 2019

ISBN 978-5-4496-8595-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

...Стылое декабрьское утро. В морозном мареве тянется к небу тонкой струйкой сизый дымок от полевой кухни. Наконец-то подвезли снабжение. Мы уже три дня едим и не можем доесть убитую взрывом лошадь. Обозники тоже попали под артобстрел, кухню разнесло в мелкое крошево прямым попаданием. Повара, Ваню Михно, убило как-то странно. Просто умер. Ни ран на теле, ни синяков. Просто упал и перестал быть. Потом уже, когда на руки подняли, ощутили, что все его тело в студень превратилось, совсем без костей. Близким взрывом, видать, все внутри разорвало.

А какой парень был... Балагур и весельчак, для своих всегда старался побольше да повкуснее урвать на полковой кухне. Все оживлялись, когда на позиции показывалась его мохноногая лошаденка, тянущая за собой кухню на скрипучих колесах. А он все ругал ее: «Куда прешь, окаянная! Расплещешь же все! Ууууу, злыдня!», и замахивался полотенцем. Ни разу не ударил. Мужики выстраивались в оживленную очередь, тиская в заскорузлых от пороховой гари пальцах мятые алюминиевые котелки и кружки под горячий чай. Кто бывал в окопах, тот знает, какая это ценность – горячий чай. Сжимаешь парящую кружку через рукава, глотаешь, обжигаясь, крепко заваренный чаек, и оттаиваешь душой как будто. Ваня всегда варил крепкий чай и добывал к нему кусковой сахар. Мужики его за это крепко уважали. Нету Вани...

Новый кухарь, Петро, грубоватый мосластый мужик, широченный как дверь в сарае, такой здоровый, что сам бы мог кухню таскать по позициям. Нелюдимый, почти не разговаривает. Смотрит только из-под косматых бровей и молчит. Был он до этого в минометном расчете, там таких любят. Один на себе станину таскал, а ты попробуй подними ее, трехпудовую. А он таскал. После контузии хотели его комиссовать, но он шибко на фронт просился. Сын у него здесь воюет, вот и пожалели мужика, взяли на кухню. Мда... Все перемешала война, сорвала с места целые народы, заварила в одном большом котле. Гибнут люди, и это уже привычно. Не страшно. Поначалу страшно было, а сейчас... прогорело все. Одна злоба осталась. И боль.

Я вышел из блиндажа, прислушался к далеким ухающим разрывам. Молотят наши по фашистам, артподготовка идет вовсю. Скоро опять с места сниматься. Ох и надоело. Идем и идем. Но все же вперед идем, не бежим. И будем идти, зубами будем рвать немца. За Ваню того же.

Весь ноябрь шли по распутице. Грязь, грязь, грязь... Так много грязи, что, казалось, кроме нее и нет ничего вокруг. Сапоги вязнут в липкой грязи, расквашенной тысячами ног, колесами машин и подвод, гусеницами танков и самоходок. То и дело упираешься плечом в завязшую подводу, помогая немощной измотанной лошаденке тянуть зенитку. С надсадным матюгом выталкиваешь ее из лужи, оскальзываясь и едва не падая... Когда же уже подморозит? Но в этот год ноябрь под Невелем стоит теплый, и воевать тяжело. Ничего, мы сдюжим. Фрицу ведь тоже тяжело, а значит, побьем мы его.

Дошли мы до Пустошки, и шли бы дальше, но немец перебросил подкрепления и уперся. Вот и воюем на месте, того и гляди окружают нас, тогда туго придется. Но вот сейчас стою у блиндажа, слушаю далекое уханье разрывов – наши. Гонят немца, отсекают от нас, давая нашей армии проход. Так что скоро сниматься с места и гнать врага дальше.

Артобстрел наши ведут у городка под названием Городок. Там немцы сосредоточили свои силы и укрепились в обороне. Но и мы не лыком шиты, выбьем. Как пить дать, выбьем.

Сзади кто-то надсадно закашлялся. Обернулся. Никифор Богданов, невысокий, коренастый, с простоватым лицом и хитрющими глазами. Вышел, затащил самокрутку. Ох и ядреная махорка, даже мне закашляться захотелось. А он глянул на меня хитро, как обычно, спросил:

– Как думаешь, ночевать здесь будем или погонят опять нас куда?

– Думаю, погонят скоро. Слышь, как грохочут наши? Бьют немца.

И только я замолчал, как по траншее пронеслось: «Снимаемся... Приготовиться к выходу...».

Ну вот, как я и думал. Никифор сплюнул под ноги, выругался и пошел к расчету. Нужно было миномет собирать в дорогу. Я же рванул в блиндаж, мужикам сообщить. В тесном прокуренном сыроватом блиндаже было темно. Связной сидел на радиистолбе, слушал эфир. Здесь уже знают – мужики без спешки поднялись с мест, принялись навздевываться. Я подхватил свою мосинку, нахлобучил шапку, закинул на плечо вещмешок, выскочил наружу. А там уже суета вовсю. Петро молча сворачивал только приготовленное было к раздаче кухонное хозяйство. Не пообедать нам опять...

Армия собралась быстро – не впервой уже. Все вокруг работало, как единый механизм. Идем в ночь. Середина декабря, Новый год скоро. Третий уже Новый год на войне. Где встречу? Да и встречу ли? Клятая война. Дома жена с ребятишками, а я тут. Хорошо хоть к ним война не пришла. И не придет уже, не пустим. В Сибири они, в далекой тайге. Там зима вовсю, морозы трескучие. А здесь вон туман сегодня, а ведь 13 декабря на дворе. Из-за тумана авиация не смогла нормально отработать, говорят. Прижали наших там. Минометами, танками и пулеметами прижали к земле пехоту, танки тоже на месте остались, огрызаются пока. Больше 20 минометных и артиллерийских батарей давят огнем. Будем помогать, у нас вон минометчики какие лихие.

Бегом, бегом, снова по грязи. Но подморозило все же немного, нет той каши на дорогах. Глаза в землю, идем. Размеренно, ходко, привычно. Прямо передо мной широкая спина минометчика Гриши Савченко. Крупный, с гулким голосом и большими руками, он укладывал мины точно по реперам, накрывая врага смертельным дождем. Сейчас он шел, переговариваясь негромко с соседом, длинным и нескладным бойцом по фамилии Ерошкин. Никто из нас, похоже. Не знал его имени. Так и звали – Ерошкин. Эта фамилия как-то удивительно подходила к его нескладной фигуре, к его суетливой манере говорить, и совсем не сочеталась с его педантичностью. Он всегда доводил начатое до конца. Не было случая, чтобы он бросил что-то на полпути. И еще он был очень мастеровитым. Умел чинить все – от патефона до танковой ходовки. За это его всегда снабжали куревом и спиртом, и у него можно было разжиться табачком в любую трудную минуту.

Идем. Задача – дойти до нового места, занять позиции, начать артподготовку.

Впереди армии идут связные. Они тянут кабели связи от штаба до позиции, идут сразу после разведки, то есть после нас. Я в батарее остался, а наши ушли еще вчера в ночь, разведать позиции врага и нашу будущую стоянку.

Нет связи – нет победы. Эта взаимосвязь прослеживается очень четко.

Разведка приносит информацию в штаб, из штаба она уходит командованию армии. От командования армий разведанные ручейками стекаются в Ставку. В Ставке генералы видят всю картину фронта, продумывают стратегию и сообщают ее в штабы армий, а оттуда приказы разлетаются по позициям. Все это работает только в одном случае – если есть связь.

Надежная и быстрая. И если разведка со связью дружит. У нас за связь отвечает Игнат Боровков, сержант, командир отделения связи нашей батареи. Невысокий, широкоплечий, с широким скуластым лицом, он был резким, жестким. Подчиненных гонял нещадно, но и сам шел в огонь не сомневаясь. Связь держал, а большего и не нужно.

Я часто видел его, серого от усталости, грязного, валящегося с ног. Дотянув связь, он возвращался на позицию и падал в уголке, накрывшись шинелью. Спал сколько получалось и снова шел в ночь, тянуть связь. Ох и служба у связистов. Кто страдает в снег и в грязь? Наша доблестная связь.

Вот и сейчас он умчался вперед, волоча на спине бухту с отматывающимся тонким черным кабелем, а следом уже топала вся армия. Звуки разрывов мин, их протяжный вой становились все ближе. Но не настолько, чтобы начать волноваться. Идем...

...Разогнулся. Сплюнул вязкую слюну, хрустнул затекшей спиной. Траншея в полный профиль это вам не шутки. Бесчисленное количество километров траншей мы накопили за войну, прямо-таки бесконечное. Но без них никуда. С той стороны летят мины и бьет артиллерия, шьют пулеметы. Не укроешься – полетит твоей семье похоронка. Так что копаем, привычно матерясь сквозь зубы. Так вроде бы легче получается копать, да и воевать тоже легче. Помянешь фашиста по матушке, и на душе легчает...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.